

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Он постоянно повторяет: удовольствие, радость — про что бы ни говорил, все сводится к тому. Он должен получать от жизни удовольствие — он так себя настроил. Он признает только хеппи-энды и не стесняется, а, наоборот, проповедует — зачем расстраивать зрителя, который потратил время и деньги. Он практичен — убрал из жизни все, что ему мешает. Дома он не мучает жену своими мыслями о кино, а становится обычным семейным человеком. Еще про него говорят, что он однолюб, мечтающий, чтобы его считали Дон-Жуаном. Он совершенно спокойно в свои 68 может перелезть через забор — настоящий, высокий, железный — если так короче и ему так хочется. Он снял “Сказку странствий” и “Экипаж”, “Границу” и “Затерянного в Сибири”. Его номинировали на “Оскар” от Англии, показывали на двухнедельнике режиссеров в Канне и давали “Золотого льва” в Венеции на фестивале детских фильмов. Он подрабатывал рисунками в “Крокодиле”, теперь встречает Новый год у Путина. Он ничего не снимал девять лет, из кино ушел на телевидение и сделал сериал, о котором заставил говорить всю страну. Он может одновременно ворковать с женой по телефону и кричать на съемочную группу. Все знают режиссера Александра Митта. И его никто не знает — он никого к себе не подпускает. Кроме жены — единственной на всю жизнь.

— Вы ощущаете себя живым классиком? — Нет, конечно, это даже смешно. Для могильного памятника “классик” — звучит, а для живого человека, нет, конечно. Тем более картины у меня в памяти сохраняются, как скопления ошибок. Есть, правда, две, в которых мне удалось чего-то достигнуть — “Звонят, откройте дверь” и “Гори, гори, моя звезда”. Но даже их я заканчивал с ощущением полного поражения. Помню, как я показал впервые Михаилу Ильичу Ромму “Звонят, откройте дверь”. Он сказал: “Мне нравится”. Я решил: ну все, он даже и критиковать не хочет, отмахнулся. И пошел относить коробки в монтажную (а тогда материалы были в огромных коробках — девять коробок изображения, девять коробок звука). Иду по коридору, и все двери вдруг открываются, и люди мне улыбаются: “Сашенька! Вы сделали прекрасную картину! Сашенька, мы вас поздравляем”. И я ничего не понимаю: я ведь точно знаю, что фильм никто не видел. Оказалось, что Ромм вышел из просмотрового зала и, идя по коридору, открывал все двери и говорил: “Вы знаете, мой ученик снял отличную картину”. Потом на меня обрушилось столько премий — и “Золотой лев” фестиваля детских фильмов в Венеции. На самом деле огромную роль в том огромном успехе сыграли два человека: писатель Володин, давший мне свой сценарий, и фантастическая совершенно девочка Леночка Проклова, неподражаемо талантливая тогда в свои 11 лет.

Я восемь лет снимал детские картины и, когда перестал, с удивлением подумал: “Из какого страшного мира я выбрался!” Дети же все время разбегаются, и огромные усилия тратишь на то, чтобы просто собрать их в кадре. С ними работаешь не методом Станиславского, а методом натаскивания, хотя это непедагогично звучит.

— И зачем вы столько лет мучились? — Я просто оттягивал время вступления во взрослый мир. У меня детство рано превралось — маму отправили на Колыму, когда мне исполнилось 4 года. И ощущение недокормленного детства осталось. Я всю жизнь прожил без матери и не понимал, чего я лишен.

— А за что посадили вашу маму? — Она была секретарем парторганизации в Министерстве рыбной промышленности — красивая, молодая, полная пламенных идей. Слыла, как сейчас выражаются, культовой фигурой того времени — ее часто снимали для журналов. Самая известная фотография — “Рабфаковка”: с поднятой рукой на фоне Большого театра мама приветствует съезд. И ее начал домогаться представитель силовых структур, большой начальник. Ей бы уклониться тихонечко, а она “разобрала” его на собрании партячейки. Он и показал в ответ, что такое принципиальная позиция: тут же нашлись две работницы, написавшие донос, что мама выступает против советской власти. Мы с отцом ходили к ним, увещевали. А они плакали: что мы можем, живем в общежитии, если не найдем, угрожали выгнать. Началась война, отец уехал в Сибирь строить танковые заводы (он на ЗИСе работал инженером), а меня отдал в детский дом. Когда вернулся в Москву, забрал, конечно.

— Говорят, вы с Роланом Быковым дружили чуть ли не с детского сада? — Мы встретились в театральном кружке, он уже в 10 лет стал звездой Московского городского дворца пионеров. Он играл Кота в сапогах, а я — где-то там рядом. Он посещал еще и в литературный кружок, писал поэмы, девушки сходили по нему с ума, и никого не смущало, что он на две головы ниже. Когда он стал студентом, на его показы собиравался вся Москва... Ролан сыграл у меня один раз в “Звонят, откройте дверь”. А в “Гори, гори, моя звезда” я его снял с роли, потому что она пошла совсем не в ту сторону. Он пятнадцать лет потом не здоровался, считал, что я погубил картину.

— Вы учились во ВГИКе в мастерской Ромма на одном курсе с Шукшиным, Тарковским... — Тарковский — как шалопай, на переменах все время пел “Когда с тобой мы встретились, черемука шела и в старом парке музыка играла”, аккомпанируя себе на пианино. Шукшин выглядел как графоман из деревни — все время что-то писал и никому не показывал. Я влюбился в Шукшина с ходу. А у меня ни чего не было, кроме девушек, и я ему отдал всех своих девушек, по очереди. Одна из них потом меня робко попросила: “Скажи, пожалуйста, Васе, пусть он перестанет носить портянки”.

Шукшин никогда ни к кому не лез, эмоция хранил в себе и безотказно играл у всех в отрывках с утра до ночи. В то же время написал две свои знаменитые подборки рассказов и роман “Любовины” — и все как будто между прочим. Писал мелким, убогим почерком в школьных тетрадках с обеих сторон листа, по-деревенски экономил бумагу... Жора Бурков разговаривал с патологоанатомом, который держал в руках Басино сердце. Врач выдал диагноз: “Нормальное полностью изношенное сердце 95-летнего человека”. Каждую ночь после работы он садился до утра писать, прихватив две банки кофе и две пачки сигарет. Есть легенда о том, что Шукшин пил. Раз в полгода, когда его совсем уже подпирало, Вася совершенно по-черному напивался и шел в милицию бить милиционеров. У него отца расстреляли, а потом реабилитировали. И Ромм надевал свой лауреатский пиджак, увешанный наградами, и шел Васю вызволять из милиции.

— Правда, что сценарий “Сказа про то, как царь Петр арапа женил” вы написали специально для Высоцкого? — Да. Его тогда никто в России не знал как интеллигентного актера. Россия слушала его хриплый голос, а он уже сыграл в театре Галилея, Гамлета. Правда, он сам остался недоволен фильмом.

— Много порезали? — Мы сняли нормальную двухсерийную трехчасовую картину, а вышла одна серия. Задумали комедию, которая постепенно превращается в трагедию, в итоге она сложилась в обычную комедию — так над ней потрудились выделенный мне редактор. И еще Володя специально для “Сказа” написал две песни, а я их не вставлял: “Сколь веревочка ни веяся” и “Купола в России кроют золотом”. Посчитал бессмысленным, тогда все его песни вынимались из фильмов, хотя можно было попробовать...

— И ваши отношения испортились? — Я бы сказал, охладели. Время прошло, наладилось. Он потом даже хотел, чтобы я помог в его режиссерском дебюте, Володя собирался снимать “Зеленый фургон” на Одесской киностудии. Разговор шел за несколько недель до смерти.

Вообще я дал себе слово никогда никаких воспоминаний о нем не писать. Я жил тогда на полпути из театра в Матвеевское, где он тогда обитал. И он езжал ко мне частенько — отдыхал, сидел писал что-то. И довольно много ночей оставался, особенно когда Марины не было, естественно. Тогда у нас много собиравлось людей, у моей жены еще хватало сил сбежать после работы на рынок за бараньей ногой (фирменное блюдо дома — баранья нога, напиготовленная чесноком, запеченная в духовке).

Когда я снимался у Хуциева в “Июльском дожде”, приходили актеры из нашего фильма и Юра Визбор. Юра всегда четко занимал положение в центре — брал гитару, все его слушали.

Митта показывает Гуськову, как перегрызть волку горло. На съемках “Границы”.

ЧЕЛОВЕК-МАШИНА ИЗ

“ЭКИПАЖА”

Александр Митта: “Я подарил Шукшину всех своих девушек”

— Вам не обидно было как хозяину дома?

— Наоборот, мое дело — в стороне, следить, чтобы грязная посуда на столе не мешалась. Когда появлялся Высоцкий, Визбор сразу тушевался. Вдвоем они под одной крышей не собирались.

— Как вы угодили в актеры?

— Хуциев меня подло обманул. Он сказал: “Саша, я придумал персонажа, который является пародией на тебя, приезжай показать актеру, как ты выглядишь на самом деле”. Ну я забрал минут на 10, что-то брякнул под камеру. На следующий день он мне звонит: “Тебя утвердили на роль, это ненадолго”. И снимал меня осенью, весной и еще следующей весной. Тогда у меня уже у самого сформировались позиции, как делать кино, и я часто сопротивлялся. Марлен обижался: “Если ты меня надумалешь снимать, я тебя точно замочу советами”. А я парировал: “Я тебя буду снимать молчащего и с завязанными глазами”. И я ему “отомстил” — привел в “Гори, гори, моя звезда”. Потом меня вызвали в министерство: “Что за мода — у вас в кино режиссеры надевают белые погоны и расстреливают красного артиста!”. В моей картине на самом деле снялись два режиссера в роли белогвардейцев — Хуциев и Наумов. Но оказалось, что и Тарковский надел погоны белого полковника и бросил в печку Лазо в картине, для которой он писал сценарий. Начальство расценило наши шутки как иннакомыслие.

В “Границе” же своей я снялся от отчаяния. Планировал Гарика Сукачева, но накануне от аллергии у него раздуло лицо — как рыба-меч стал. Тогда я быстро перенимал роль с мужа на отца и сам сыграл.

— Александр Наумович, как вам удалось быть таким современным, не впадать в занудство мэтра?

— Когда стараешься, обязательно впадаешь в занудство. Меня серьезно формировали шесть лет, которые я преподавал в Германии — с 92-го года. Поэтому что там каждый день как шоу — ты должен давать такой материал, который увлекает и стимулирует фантазию. Меня пригласили, потому что я рассказывал, как должна идеально выглядеть киношкола — студенты непрерывно снимают, и вся педагогическая деятельность подчинена практике. Режиссура — нехитрое, в сущности, ремесло, но требует жестких навыков.

Правда, та длительная пауза, пока я сам не снимал, значила для меня очень много. И я уже думал, что ушел из кино навсегда, приобрел новую профессию, которая кормит, и жизнь становится приятной — можно смотреть на мир, высыпаться досыта... Но когда сам изучил технологию сериала, мне захотелось тоже попробовать.

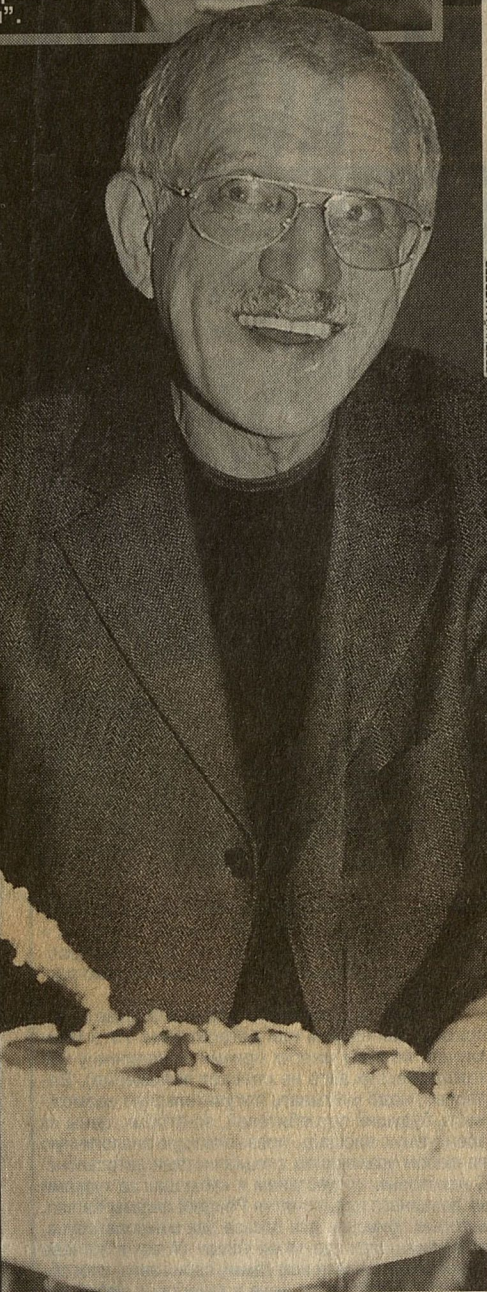
А к известности своей я отношусь негативно, режиссер должен быть незаметным. Одно из главных развлечений в моей жизни с самого детства — разглядывать в метро людей и совершать с ними в уме разнообразные действия. Когда у меня какая-то идея вертится в голове, а я не могу ее поймать, сажусь в метро и катаюсь от “Краснопресненской” до “Выхино” и назад. Жена вначале даже ревновала меня к моему увлечению.

— Почему именно от “Краснопресненской” до “Выхино”?

— Я здесь рядом живу. В юные годы ездил от “Сокольников” до “Парка культуры”. Теперь у меня два метро рядом, поэтому и по кольцу катаюсь. Что человеку доставляет радость? Ощущение жизни. Я вuaiер — люблю смотреть, подглядывать, видеть людей — тогда я ощущаю жизнь.

— Знаменитым вы стали по-настоящему после “Экипажа”, который, как вы утверждаете, сняли по заветам Птушко, по технологии 1936 года. Неужели правда, его сказки и ваш фильм-катастрофа — все одно и то же?

— Никто к нашему проекту, кстати, на студии серьезно не относился. Началось все как обычный фильм про летчиков. В мире к тому времени сняли 16 фильмов с авиационными катастрофами, а я даже не догадывался, что существует такой жанр. Мне захотелось поэкспериментировать, у меня же первое образование инженерное — МИСИ. Я знал, если, снимая, пленку гнать быстро, а потом с нормальной скоростью показывать, масштаб увеличивается. Мы сделали макет и стали палить его с разных сторон, снимая с разной скоростью. И когда камера уже стала работать с дикой скоростью, с ревом, — 160 кадров в секунду, мы посмотрели и обалдели — получили огромный масштаб! Огонь стал тяжелым,

показывали по телевизору в прайм-тайм — дети смотрят, опять не вышло. Но в новом фильме обязательно “отыграюсь”.

— Вы увлекаетесь своими актрисами?

— Нет, в работе у меня технологический имидж человека-машины. Конечно, актрисы, которых я снимаю, мне нравятся, но представить с ними какие-то неслужебные отношения я не могу.

— Рассказывают, что у вас совершенно потрясающие отношения с вашей женой — до сих пор такая любовь, какой не бывает.

— Началось с того, что мы вместе работали в детском издательстве. Лилия — известный детский художник, она придумала объемные книжки-картинки. А я сочинял там комиксы. И мы начали вместе делать книжку — книжки не вышло, а ребенок получился. Она была замужем, муж не хотел давать развод. Нам пришлось в один день зарегистрировать ее развод, наш брак и усыновление ребенка. Так что я при желании еще мог алименты получать за своего сына.

— Сколько лет длится ваш роман?

— Больше сорока. Главный секрет — нам не скучно, она все время предъявляет мне претензии, что я не соответствую ее представлениям о том, как должен выглядеть нормальный серьезный человек. И внешне, и внутренне, и по отношению к жене — она не устает меня воспитывать.

— Правда, что вам достаточно услышать ее голос и вы, как бы ни были раздражены, тут же успокаиваетесь?

— Да, помогает, если она не обругает меня.

— А как она разбирает ваши фильмы?

— Достаточно жестко, но “Граница” ей понравилась. А что ее не устраивает, не пытайте, не скажу. В “Экипаже” человеческая часть нравится, катастрофа — нет. Эротическая же сцена вызвала, конечно, ненадолго семейные осложнения. (Смеется.) Зато к Олегу Табакову она меня приревновала серьезно.

—?!

— У меня есть принцип: снято и забыто. Единственный человек, с которым я обсуждал до, после и во время — Олег Табаков. Когда мы делали “Гори, гори, моя звезда”, то, прибегая домой, как школьники тут же кидались к телефону и “зависали на нем”. Лилия по-настоящему ревновала: “Он что, твоя жена? На работе работай сколько угодно, но дома будь в семье”.

— Я слышала, вы любите повторять: пока на хлеб и “Мерседес” хватает.

— “Мерседес” подержанный на самом деле, на нем сын ездит. У меня машины нет. Я насмерть перепугался. Америке — однажды в Лос-Анджелесе перепутал съезд с одного хайвея на другой и выехал навстречу двенадцатирядному движению! Чудом задом выбрался. И не сажусь с тех пор за руль. Вообще мои требования к жизни минимальны. Могу ли я предпочесть проект, который мне не нравится тому, что мне интересен, хотя за него заплатят в десять раз больше? Нет. Платишь-то жизнью, ее же не так много осталось. А удовольствие, которое ты получаешь от работы, совершенно несоизмеримо с оплатой. Да и сколько нужно человеку? Съесть ты можешь немного, и даже в самом дорогом ресторане это не очень большие деньги.

— А сын чем занимается?

— Женя художник. В детстве много снимался, но в 12 лет заявил, что с кино покончено. С сыном вот какая еще связана история. Я снимал в “Сказке странствий” Андрея Миронова. На съемочной площадке он делал все что тебе угодно — бесконечное количество дублей. Когда же кончается смена, к нему не подойдешь — у него своя жизнь. Однажды он позвал меня на день рождения, и я понял, что пересекаю некую границу. Но я придерживался принципа: ходить всюду только с сыном, лет с семи мы его брали в театр, в кино, на дни рождения. И я сказал Андрею, что могу прийти только с Женской. Мионов ответил, что у него нет места для ребенка. И я не пошел, так мы с ним и не облизались...

А Женя сейчас занимается дизайном помещений — рестораны, клубы, магазины. Живопись-то сегодня в России не кормит. Кстати, на детскую роль в своей картине, которую я начинаю снимать 10 сентября, я как раз взял дочку его партнера по бизнесу. Через 40 лет история повторилась, как с Леночкой Прокловой, которую я нашел в первый же день и поверить не мог.

— И Алексей Гуськов снова в главной роли?

— Он играет любовника. Владимир Симонов — муж. Героиня — Вика Толстогонова. 95-й год. Два мужчины, одна женщина и ребенок — все. И Гуськова я собираюсь сделать таким злодеем, которого все женщины полюбят. А все мужчины хочу, чтобы полюбили героиню. Большие секретов не раскрою, но кончатся все хорошо. Я всегда говорил, что делаю кино для развлечения и считаю это очень серьезной задачей. Помню, когда закончил “Экипаж”, меня позвал министр кинематографии: “Ну что ты дуришь? Почему говоришь, что снял сказку, когда ты создал фильм о коллективном подвиге советского человека?” Я ответил: “Получилась нормальная русская сказка: самолет — ковер-самолет, нефть — дракон, а команда — три богатыря. Это же очень красиво”.

И мое credo прежнее, как во времена “Экипажа”, — воссоединение низкого и высокого жанров. Раньше меня воспринимали как диковника, теперь никто не станет смотреть фильм о человеческих отношениях, если в него не вставлен элемент триллера. Когда мы учились у Ромма, учебный процесс всегда продолжался у него дома — мы собирались у него по вечерам. Он без своих учеников за стол не садился. И вот я как-то пришел, а он стоит на унитазе и чинит бачок — в старых домах бачки крепились сверху. Я спросил: “Михаил Ильич, что, у вас сантехника в доме нет?” Он ответил: “Саша, интеллигентный человек любую неинтеллигентную работу сделает лучше, чем неинтеллигентный человек”.

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.

P.S. Утро Митта начинается с музыки: Бах, Моцарт, Битлы или Бритни Спирс, Кристина Агилера — в зависимости от настроения, которое нужно на сегодня — серьезное, философское или легкое, бодрое. Музыку он слушает, занимаясь йогой, полчаса. Потом с наушниками на голове пять раз прогуливается с первого на 14-й этаж. И так каждый день — он любит жизнь.

Митта флександр

25.08.07.
389